

Солдаты последней надежды

Бойцы спецподразделений "Альфа" и "Вымпел" отвечают на вопросы Российской газеты.

Мы их попросили в редакцию, и они, когда уже Москва и вся страна стали приходить в себя от шока бесчеловечного теракта в московском "Норд-Осте", согласились поговорить с журналистами. Пришли пятеро. Сели напротив нас и сразу предупредили: спрашивайте о чем хотите, а мы ответим так, как можно.

Публикуя сегодня нашу беседу с офицерами "Альфы" и "Вымпела", мы хотим подчеркнуть: эти ребята во время штурма рисковали своей жизнью, они настоящие герои, и именно они смогли, пусть никого не смущают громкие слова, повернуть ход истории борьбы с терроризмом на благо России.

Итак, говорят солдаты последней надежды - офицеры "Альфы" и "Вымпела", подразделений, которые сегодня в нашей стране, - лучшее, что есть.

Штурмовое предупреждение

- Валентин Григорьевич! Первый вопрос к вам как руководителю группы "Альфа", заместителю начальника Центра специального назначения ФСБ. Как известно, в обществе существует разделение труда: одни рискуют жизнью, штурмуют, спасают людей, другие, кто видел бой со стороны, все это оценивают. И, очевидно, вы выслушали разные суждения на тему, насколько профессионально действовала "Альфа", как вы относитесь к сумме сказанного?

Валентин Григорьевич:

- Прежде всего оценку того, что мы смогли сделать общими усилиями, дал Президент. И я думаю, что эта оценка объективная и полная. Понимаете, мы уже так воспитаны, что главное для нас - профессионально полно сделать свою работу. Цену мы ей сами знаем. А то, что говорят при этом кругом, в том числе и журналисты, это как бы для общего пользования. Впрочем, не буду лукавить, мы признательны всем, кто после операции не поспешил на добрые слова в адрес участников штурма. Мы сами, руководители Центра спецназначения ФСБ, удовлетворены действиями наших бойцов в этой уникальной и сложнейшей операции. Мы рады, что сохранили ребят, никого не потеряли, хотя, к сожалению, есть раненые и контуженные...

И вот, представьте, услышали из уст одного журналиста: вы же там никого не потеряли. Прозвучало - как укор. Дескать, чего особенного вы там во время штурма сделали? Хочу заметить: во время классических операций мы людей, как правило, не теряем. За тридцатилетнюю историю у нас в управлении погибли 13 сотрудников...

- Вы назвали ситуацию с захватом заложников в "Норд-Осте" уникальной, а саму операцию по их освобождению - классической. Поясните, пожалуйста.

Валентин Григорьевич:

- Операции, в которых нам приходилось участвовать, каждая по-своему уникальна. Что-то бывает похожее, но в то же время всякий раз все по-другому. И тем не менее я лично не знаю и не помню, чтобы одновременно было захвачено столько заложников, как в "Норд-Осте", - около тысячи человек. Аналогов в мире просто нет. И ни один спецназ мира, кроме российского, не освобождал еще людей в условиях со столькими неизвестными... В здании со столькими килограммами взрывчатки.

Классическая операция? Ну это наше образное выражение. Как известно, для освобождения заложников в сложных ситуациях созданы два управления - "А" и "В", и у них хотя и относительная, но тем не менее существует своя специализация. Транспорт, посольства, госучреждение... здесь в критический момент действует "Альфа". АЭС, многие виды технологически сложных сооружений, химпроизводства, гидросооружения - это сфера контроля "Вымпела". На сей раз оба подразделения действовали по классике - вместе. Подготовка была тщательная. Просчитывались различные сценарии...

- Сообщалось, будто бы ваши бойцы даже репетировали штурм в другом здании, по конструкции и по коммуникациям похожем на культурный центр "Норд-Оста".

Валентин Григорьевич:

- Извините, вот этого не надо. Не репетировали. Это все фантазии. Есть вопросы тактики - широкой публике о наших планах и замыслах знать необязательно. И тем не менее один из московских руководителей начинает в прямом телеэфире раскрывать детали нашей подготовки к штурму. Зачем? И СМИ порой стараются оказать нам медвежью услугу: крышу с людьми показывают. Боевики тоже не дураки, посмотрев репортаж, они через пять минут уже на крыше... Конечно, я не могу осуждать журналистов, это их работа. Их желание опередить друг друга и конкурентов в подаче информации по-человечески понятно. Но хотелось бы, чтобы сферы влияния во время операции с заложниками были поделены между спецслужбами и прессой в пределах компетенции сторон. Вспоминаю Минводы. Уже двадцать минут идут переговоры "Альфы" с террористами. И вдруг в эфире информация: полчаса тому назад в Минводах приземлился самолет, на котором прилетела "Альфа". Реакция террористов моментальная. Они нервничают, начинают сопоставлять факты: кто во сколько прилетел, кто ведет переговоры и предлагает сложить оружие...

Конечно, мы благодарны за внимание, за любовь к "Альфе". Но порой хочется сказать: потерпите, ребята, не мешайте, не высовывайтесь - все осложняете.

- Когда в памятные трагические часы вам и вашим бойцам стало ясно, что штурма избежать нельзя?

Валентин Григорьевич:

- Мы никогда первыми не приезжали на место происшествия. Это задача территориальных органов МВД. Необходимости такой нет, даже в условиях Москвы. Местные органы власти, специалисты различных служб, журналисты - они, как правило, первые на месте событий. Как правило, у всех много своих идей, своих предложений. А первое, с чего мы начинаем, - это сбор информации, которая для нас интересна. Мы выясняем, анализируем, сопоставляем, но не двигаемся с места. Создаваемый в этом случае оперативный штаб принимает все меры для склонения преступников к отказу от их намерений. Но в любом случае мы готовимся к силовому варианту освобождения заложников. В случае осложнения ситуации...

Переговоры у "Норд-Оста" шли по своему сценарию, пока террористы Бараева не убили молодую женщину. А раз они уже это сделали, значит, для нас стало понятно, они на этом не остановятся.

Повторяю, в любой операции наши действия являются последним аргументом. Как пример - Лазаревское, 2000 год. Там террористы оружие не применяли, была выкинута граната, но она никого не задела. И шли переговоры... А когда нам отдают команду, это значит, что переговорный процесс не состоялся. Когда мы идем штурмовать, это значит, что то, что было сделано до нашего появления, оказалось не очень эффективным.

Когда мы появились в штабе на улице Мельникова, то прежде всего попросили: поменьше людей в штабе. Мы попросили также создать очень мощное оцепление, плотное, с эвакуацией граждан и больных в близлежащих домах и госпитале. В глазах людей, которые находились в штабе, я прочитал: от нас ждут какого-то особого рецепта. Вот сейчас мы что-нибудь скажем - и на этом все закончится. Ничего подобного. Мы высказали две просьбы и пошли заниматься своими вопросами.

Театральный выход спецназа

- Сергей Иванович, вы в самом зале, где находились заложники, были? Скажите, как вы оцениваете вашего противника? Насколько профессионально в "Норд-Осте" была сделана вся система взрывных коммуникаций? Она была продумана или боевики ее делали спонтанно?

Сергей Иванович:

- Когда мы готовились, то прикидывали: вот входим. Здесь дверь, она должна быть заминирована, а где-то в углу должен сидеть человек. Оптимальное место, откуда бы он нас видел. Так все в жизни и оказалось.

Под минирование все было подготовлено грамотно. Террористы блокировали чердак и заминировали, поэтому путь через чердак был закрыт. Непосредственно мое подразделение штурмовало и освобождало заложников на балконе. Там грамотно была выбрана позиция для женщин со взрывными устройствами.

Смотрите, вот балкон, впереди - зрительный зал. Вход туда с двух сторон. Мины же расположены с одной

стороны - так, чтобы взрывной волной накрыть весь зал.

Да, террористы сидели у дверей так, чтобы заложники не выходили, но в случае подрыва бандиты могли отойти. Они не подставляли себя. У них у каждого было свое определенное место, и минно-взрывными средствами они заблокировали часть дверей. И передвигались террористы определенными маршрутами. Вот и выходило: вроде со второго этажа подняться на третий - здесь ближе. Но для того чтобы подняться, они предпочитали другой маршрут, потому что двери у них были уже заминированы, подготовлены к подрывам.

Террористы не дилетанты, это действительно были профессионалы, которые обезопасили себя во многих смыслах. Выход с балкона, витринное стекло - все забаррикадировано. Результат - их перемещений снаружи никто не видит.

В ненужном месте у них человека не было.

- Они с планом пришли где кого ставить?

Сергей Иванович:

- Да.

- Консультировал их специалист?

Сергей Иванович:

- Консультировал их специалист, и дисциплина у них была строжайшая, каждый - на своем определенном месте. Малейший шорох, и женщины-камикадзе вставали в полный рост. У каждой был свой сектор ответственности, и они готовы были применить взрывчатку. Наивно думать: они пришли, день посидели, расслабились, на второй день вместе с заложниками впали в прострацию. Нет, они оставались на своих местах и были ко всему готовы. Никаких признаков, будто они пришли поиграть в войну...

- Если сравнить с бандитами, с которыми вы сталкивались в предыдущих операциях, эти конкретно чем-то отличались?

Сергей Иванович:

- Женщинами-террористками. То были так называемые "черные вдовы". Такие готовы на все.

- Ну а почему же они тогда не соединили проводки?

Сергей Иванович:

- Мы их опередили. При входе в зал я видел, что женщина сидела, батарейку держала и провода, ей оставалось коснуться - и все. От задуманного ее отделяли буквально секунды. Я не могу сказать, сильно ли она к Аллаху торопилась, но, видимо, они тоже ждали общего сигнала. Каждый сам по себе не делал ничего.

- Она не наглоталась газа, не потеряла сознание?

Сергей Иванович:

- Нет. Часть террористов имела респираторы. А те, которых мы ликвидировали, пытались оказать сопротивление. Они же с открытыми глазами были. И было оружие в нашу сторону направлено.

- А не сложилось ли такое впечатление, что хотя бы часть террористов, может быть, Бараев с заместителями все-таки хотели вернуться в республику, не хотели быть шахидами?

Сергей Иванович:

- Возможно. Мы этого не исключаем. Возможно, поэтому они и вели видеосъемку внутри зала. Для отчета, вероятно. Скорее всего, для получения денег на новые теракты. Возможно, они рассчитывали и на такой финал: поступит приказ - посадить террористов на автобус, он провезет их по Красной площади с флагами и сопроводит в Чечню.

- Вы исходите из опыта Буденновска?

Сергей Иванович:

- Мы были готовы выполнить любой приказ. Россия должна когда-то встать с колен. А о том, все ли бандиты планировали погибнуть или только часть, об этом сегодня, конечно, сложно говорить. Но по признакам вы лучше нас можете судить. Действительно ли они рассчитывали только на один вариант исхода? Ясно, и Масхадов, и Басаев считали, что завели нас в такую западню, из которой выход только один - грузите нас в автобусы и под аплодисменты вывозите. Но одного человека они уже убили, вот эту девушку, которую пытаются превратить не знаю во что. Это что? Это акт устрашения. Вы смотрите, я видел многих наших, не буду называть фамилии, и политиков, и журналистов, и творческих работников, которые были склонны к одному варианту решения - тому, на который рассчитывал Басаев.

У этих мужиков, так называемых боевиков, конечно, были отходные варианты не только под аплодисменты. Я убежден, никто из них не собирался становиться шахидами. Они прекрасно понимали, что сделай то, что они хотели сделать, началась бы общая суета всех структур и служб, началась бы паника, а они бы спокойно вышли и ушли. Место для этого хорошо выбрано. И ушли бы кто в сторону Рязанского проспекта, кто в другую сторону. А для этого нужно было чуть-чуть поглубже залезть и сделать выход. Когда все рухнуло бы, они вышли...

- У них был подземный ход?

Сергей Иванович:

- Можно найти себе такую нишу, которую не завалит, если не будет целевого какого-то взрыва или целевого снаряда.

- А вам, Сергей Львович, какой сектор достался? Как вы проникли в зал? С каким вы чувством шли? Помолясь? Удастся - не удастся? Какой момент был самый сложный для вас?

Сергей Львович:

- Я, конечно, буду рассказывать только то, что видел своими глазами.

Для нас был сложный момент - это момент ожидания, когда мы осознавали необходимость действовать. Другого выхода мы не видели и не представляли. Но момент принятия решения, когда наши командиры принимали решение, это был для нас самый сложный момент. Когда же решение было принято и нам дали команду работать, тут уже никаких сомнений не осталось. И, естественно, никто не молился. По двум простым причинам. Во-первых, это наша работа, мы к этому готовимся всю жизнь.

Во-вторых, мы единый коллектив, единая команда, и я не вижу такой силы, которая сейчас, в настоящий момент, могла бы что-то противопоставить нашему Центру. Поэтому уверенность была полная, что мы свою задачу выполним. Мы отработали свои приемы, отработали пути решения задачи и уже шли каждый выполнять свою работу. Я вам откровенно говорю, честно, никаких приукрашиваний событий - мы шли работать.

Что касается состояния, в котором находились террористы, я понимаю, что вам интересно и хочется это знать, в каком они были состоянии. Своими глазами я наблюдал следующую картину. Мы выходили со стороны гаражей, через мост. По нас велся огонь.... открытый, 10-15 метров надо было перебежать до здания, чтобы войти внутрь. Это уже была подготовка к штурму.

Мы передвигались с двух точек, и по нам велся огонь. Мы подавили эти огневые точки. Уничтожили мы этих террористов сразу или они отошли в глубь здания, мы этого не знаем.

Мы преодолели первый проход и вошли внутрь здания, потом - бросок по лестнице, по правой стороне балкона. Я находился в штурмовой группе как командир этой группы. Я увидел двух боевиков, находящихся в фойе, они были с оружием. Естественно, они были сразу же ликвидированы.

Вы должны представлять, хотя бы даже по фильмам, специфику деятельности подразделения: когда подразделение идет на штурм, у нас нет времени оценивать ситуацию. В каком бандит состоянии находится: соображает, не соображает - нам это безразлично. Мы видим только действия противника и принимаем адекватные меры.

Эти два боевика были сразу убиты. Дальше подразделение преодолело заграждения. Благо мы находились в затененном помещении, а на них падал свет.

- Места минирования вы знали примерно?

Сергей Львович:

- Нет, конечно. Определенная информация поступала: примерно где что, но с чем мы столкнемся непосредственно, этого мы, конечно, знать не могли. С какими завалами, с какими фугасами столкнемся на маршрутах? Это все обнаруживалось по ходу движения группы.

Преодолели завал, зашли на балкон и там мгновенно увидели трех женщин, которые располагались с нашей стороны. Одна, как Сергей Иванович сказал, с батареей в руках, была немедленно ликвидирована и остальные две тоже. Они взрывное устройство приготовить к действию не успели. Но все для этого у них было в руках.

Потом мы проверили все помещения на предмет их безопасности и после этого стали немедленно оказывать помощь заложникам. Кого выводить, кого выносить - в зависимости от их состояния.

- Андрей Олегович. У нас тот же самый вопрос, что и ко всем: что вам запомнилось? Что вы заметили?

Андрей Олегович:

- Моя группа находилась в тыловой части здания. Все усилия были направлены на то, чтобы как можно быстрее проникнуть в зал. Мы были проинформированы, что со стороны служебного входа дверь должна быть закрыта. Мы как раз тренировались именно на то, что она будет закрыта. Дверь действительно оказалась закрытой, ее пришлось взрывать. Входим на сцену. Она специально была отделена от зала плотным занавесом. Декорации там и тут. Один террорист стоял прямо за дверью. Он не был готов к тому, что дверь будет подорвана. Поэтому был слегка контужен взрывом.

Естественно, после взрыва он был уничтожен, так как готов был оказать сопротивление, но не успел. И с оружием был. Слева от сцены - помещение для отдыха то ли оркестра, то ли артистов. У нас этот вход рассматривался как резервный. Там дверь была заминирована, стояла растяжка. К ней были направлены взрывотехники, которые ее потом обезвреживали. Там тоже находился террорист, который открыл огонь, и был уничтожен.

На самой сцене находились несколько человек, у всех в руках - оружие. Опасность на самом деле состояла не только в приведении в действие взрывных устройств как у женщин, так и у мужчин-террористов, а в большом количестве автоматического оружия. При активном сопротивлении, которое бандиты могли оказать, так как мы входили в зал с нескольких сторон, от одного только огнестрельного оружия погибло бы большое количество заложников.

Конечно, перед началом операции я волновался. Адреналин, конечно, присутствовал... Но когда началось уже само действие, - это уже была наша работа.

- Ощущение неизвестности вызывало волнение перед началом?

Андрей Олегович:

- Не то что неизвестности. Мы имели информацию о том, что в зале большое количество заложников, примерно знали, в каком они там состоянии... Просчитывали возможную панику среди заложников. Просто было волнение за правильность своих действий, а не за собственную жизнь.

- Это не первая ваша операция?

Валентин Григорьевич:

- Ему, может, и не очень удобно о себе говорить. Был у него эпизод в жизни. Когда я подошел к машине, в которой находился Андрей, то про себя подумал: вот Кио такого не смог бы сделать. Вот как бы он в этой ситуации остался жив? Его, наверное, Бог спас. И он из этой машины вышел здоровым, слегка опаленным. Каждый из сидящих здесь смотрел вооруженному до зубов противнику в глаза. Единственное, что надо сказать, - удача сопутствует подготовленному.

Ребята, я думаю, будут соответствующим образом оценены государством и Президентом. Вот Сергей - Герой России, Андрей - кавалер ордена "За заслуги перед Отечеством" IV степени и других орденов.

Я вполне ответственно и серьезно говорю: в любой ситуации мы без подготовки не идем. Информация собиралась о самых дальних закоулках, мелких комнатенках. Как туда можно пройти, как сюда попасть. Террористов оказалось больше, чем мы предполагали.

- Владимир Викторович, хотим спросить, чуть выйдя за рамки этой операции: у вас-то лично что в сухом остатке?

Владимир Викторович:

- Когда поступает команда на штурм, мы делаем свою работу. Каждый знает свой маневр, свой шаг. В сложных ситуациях поддерживает только одно - то, что сзади тебя, если что-то случится, товарищи, они тебя вытащат, тебе помогут. Я шел первым, и лично мое глубокое убеждение было, что террористы будут отчаянно сопротивляться. Мы были готовы биться до последнего.

У меня было ощущение, что счет у нас 30 на 70. 30 процентов - я выдержу, выйду здоровым, а 70... Действительно, очень серьезная была ситуация. И самое сложное - как вести бой. Объясню подробнее. Мы не могли идти по коридору и бросить, допустим, гранату в комнату, хотя это нормальная практика для ведения боевых действий, где нет заложников. Так и делается. Сначала бросается граната, простреливается очередь, потом досматривается помещение. Здесь мы этого не могли. Мы не знали, где находятся заложники. Не знали, развели или нет террористы их по зданию. Сначала обозначались перед противником, а потом его устраняли.

Мы с Андреем заходили в здание с этого гей-клуба, где у нас теперь, наверное, колоссальные скидки. С нами двигалась еще одна группа - они должны были сразу пробиться на сцену. А моя группа - дальше. Спустились в подвал, не освещен этот пролет. Идем по воде, в полной темноте. Мы предполагали, что в одном месте будет слишком стратегический поворот, который контролирует несколько проходов к сцене, к оркестровой яме.

Дошли до него, нашли там растяжку - граната стояла. Благополучно ее сняли и - дальше. Двери оркестровой ямы... Двери оказались железными. Мы положили заряд, "подняли" двери. Доложили ситуацию наверх, поступила команда возвращаться. Но мы оставили группу блокирования, чтобы как-то исключить выход боевиков. Потому что, когда мы совершали маневр, сверху шел натуральный бой. Это насторожило. У нас ведь на 99 процентов бесшумное оружие. Поэтому когда послышалась эффективная стрельба - взрывы гранат, то сразу стало понятно, что бьют по нам.

Сверху шел бой. В сторону наших товарищей летели пули. В этой ситуации мы сделали следующие шаги: мы зашли со стороны... справа из-за кулис... наверх и тут же приступили к эвакуации заложников. Потому что настолько была велика вероятность подрыва. Мы же многого не знали... Вошли в зал... Вроде как бы наши уже в зале ходят. Двери не открыты, открыта только левая дверь. Начали потихонечку вытаскивать людей через левую дверь.

- Как вы отмечали окончание операции?

Сергей Львович:

- Сели, выпили.

- А какова остаточная реакция после такого боя, когда напряжены все нервы и многое зависит от случайности? Вы потом, когда все кончилось, провели бессонную ночь?

Сергей Львович:

- После штурма домой приехал, дома все нормально. Встретила жена... Конечно, нервная нагрузка очень большая. Накопилось. Но спал нормально. Спокойно.

Валентин Григорьевич:

- У нас существует система медицинской поддержки ребят, так называемый период реабилитации. Это мы делаем буквально с первых часов и дней после завершения очередной операции, потому что они в силу молодости иногда недооценивают последствия стрессовых перегрузок.

Элитные солдаты

- Валентин Григорьевич! Понятно, служба у ребят - особенная, требования к каждому высокие. Штучная как бы

получается профессия. Но ведь и служат не до седой бороды. Где берете новое пополнение?

Валентин Григорьевич:

- Действительно, у нас есть своя специфика: уже в 35-37 лет многие бойцы получают право на пенсию. Они примерно лет десять отслужили верой и правдой. Все! Есть возможность уйти на работу, значительно более серьезно оплачиваемую.

И тем не менее у нас нет проблемы смены кадров. Приходят молодые офицеры, специалисты и в "Альфу", и в "Вымпел". Но, к сожалению, мы сегодня разобщены как ведомства, и нам тяжело брать ребят из армии. Нам сложно приглашать молодежь из внутренних войск, из пограничных войск.

Понятно, не каждый годится, ибо сама система подготовки очень жесткая. Даже если нет никаких захватов, все равно режим для бойцов очень жесткий. Это режим постоянного тренинга, постоянного нахождения в каких-то экстремальных условиях. В итоге в 35-37 лет боец имеет право сказать: "До свидания!" Он действительно становится ветераном. Но 22-летний уже готов его заменить. Вот тут только выдержать бы эти пропорции.

И традиции - тоже особенные. Есть у нас семьи погибших сотрудников. Я нигде, поверьте мне, не видел такого трогательного отношения к этим семьям со стороны подразделения и ветеранов подразделения. Мы, извините, как коллективные мамы и папы, дедушки и бабушки. Мы потеряли в эту войну троих. И молодые сотрудники видят, как мы чтим память павших товарищей, как заботимся об их семьях. К сожалению, никто из нас не застрахован. И вот такой нравственный климат определяет поведение молодых сотрудников: надо служить честно. До конца.

Смотрите: две общеобразовательные школы носят имена погибших сотрудников "Альфы". Воронежская и одна в Рязанской области. Мы бываем в этих школах - там растут и воспитываются хорошие мальчишки, которые потом поступают в военные училища.

- Всеволод Викторович. Вернемся на улицу Мельникова. Вы говорили о четкости действий террористов...

Всеволод Викторович:

- Судите сами, такой факт: согласно докладу наших снайперов террористы по зданию перемещались боевыми порядками. И это в контролируемом ими здании! Один прикрывает, двое переходят. Я после операции разговаривал со снайперами. Они говорят так: мы смотрим, мы их видим. Можем поражать. Но команды нет, потому что за каждого погибшего будут расстреливать наших людей. Знаете, руки у людей очень сильно чесались, когда начали стрелять по этим девочкам, которые убежали. Но нельзя.

- Валентин Григорьевич, как вы оцениваете тот эквивалент, который от государства получают ваши сотрудники за свой исключительный труд, за риск?

Валентин Григорьевич:

- Конечно, этот эквивалент мог быть больше. Но мы понимаем, в какой ситуации находится страна. Аналогичный спецназовец - американец, англичанин, немец, не знаю, кто угодно, получает значительно больше. В эквиваленте уровня жизни своего государства.

Последнее время нам повысили зарплату. Мы чувствуем на себе заботу руководства страны, получаем несколько больше других военнослужащих.

- Сергей Иванович, у вас есть ощущение, что эта операция не последняя? Что за последовавшей передышкой снова прозвучит команда: готовиться к операции!

Сергей Иванович:

- В Буденновске и Первомайском мы уступили... Если сегодня в Москве мы поступили бы так же, то после "Норд- Оста", пойдя мы на их условия, пришлось бы выводить войска, предположим, из Наурского района. Завтра террористы захватили бы людей в Воронеже, тогда из Грозненского района вывели бы войска. И пошла бы цепная реакция.

Уверенности в том, что это последняя операция, у меня нет. Мы постоянно готовимся...

Хотел бы обратить внимание на одну деталь, которую не заметила пресса. Все вы видели кадры, когда в

мюзикле "Норд-Ост" выступали люди в военной форме. И вот эти актеры в военной форме были рассажены боевиками по периметру зала. И это неспроста. Они были рассажены для нас. Вдруг мы влетим в зал и начнем стрелять, ориентируясь на форму. Но заметьте, никто из ребят в военной форме не пострадал. Да, потом у этих актеров были проблемы, когда они доказывали, что не боевики. Но от сотрудников, которые штурмовали здание, они не пострадали. А ведь это был замысел боевиков - рассадить их по краям... Это говорит о том, что наши сотрудники знали, на кого конкретно они шли. Никто просто так не стрелял. Выстрелы следовали конкретно, адресовались в ответ на оказанное сопротивление людей с оружием в руках, предупреждалась возможность привести взрывные устройства в действие.

Правильно было уже сказано: да, в другой ситуации мы бросаем сначала гранату, потом заходим. Жизнь сотрудника для наших командиров дороже всего. Но в данном случае был одиночный огонь и только по конкретным целям.

Поэтому мы двигались по зданию с риском для собственной жизни. И другого выхода не было: там люди, там дети...

- Сергей Львович! Как вы относитесь к выражению, которое сейчас фигурирует в прессе: идет третья мировая террористическая война. По вашему ощущению как гражданина и участника антитеррористических операций - велика ли в российском обществе агрессия?

Сергей Львович:

- Что касается террористической войны, я не стал бы преувеличивать возможности тех людей, которые захватили заложников. Ведь и в Чеченской Республике, в том числе, очень большое стремление людей к мирной жизни. И я бы не стал преувеличивать возможности тех, кто ведет партизанскую войну сейчас с Российской армией и с нами также.

Я думаю, что недалек тот час, когда это все пойдет на убыль. В том числе операции с нашим участием. Я думаю, что рано или поздно все те, кто взрывает тишину мирной жизни, но еще остался на свободе, будут переломлены или отправлены туда, там, где им полагается быть. Что касается агрессии общества. Я считаю, что ее накал достаточно высок. Желательно, чтобы было больше доброты. Я считаю, что сильный человек агрессии в себе не несет. Он несет более добрый потенциал, потому что ему нет необходимости защищаться и провоцировать кого-то к нападению. Но если противник не хочет жить по закону, его надо либо уничтожить, либо посадить.

- Владимир Викторович, к вам последний вопрос. Как резонанс последнего теракта в Москве звучат призывы: нам, мол, надо молодежь воспитывать в силовом варианте. А населению надо вооружаться!

Владимир Викторович:

- У меня мечта, чтобы у каждого нашего особняка, у каждого жилого дома висел российский флаг. Знаете, почему? Потому что это в первую очередь отражает патриотический настрой общества. Если это будет, это будет очень здорово. Что касается вооружения населения... Черный рынок и так предлагает огромное количество любого оружия. И тем не менее полагаю, что мужчина, нормально состоявшийся мужчина, может иметь в доме оружие для самозащиты. Это нормальная практика. Во всем мире так.

А вот воспитывать детей в военном духе - это ложная педагогика. Мальчишки проходят возраст игры с пистолетом. Те, кто недоиграл, потом берут в руки настоящее оружие. И это беда...

Не нужно ничего усиливать. Нужно так молодежь воспитывать, чтобы выросли достойные граждане России. Чтобы эти ребята знали, ради чего делается оружие и когда его надо применять.

Наталья Козлова

Автор: Артур Скальский © Российская газета СОБЫТИЯ, РОССИЯ 7469 11.11.2002, 00:00 557

URL: <https://babr24.com/?ADE=4566> Bytes: 29128 / 29085 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ В МОСКВЕ 23 ОКТЯБРЯ 2002 Г."](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)